

НИЖЕГОРОДСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ ДВОРЯНСКИЙ КОМИТЕТ 1858 г.

Ф. Чебаевский

Как известно, в 60-х годах XIX века шла острая борьба между крестьянством и помещичьим классом; в центре этой борьбы стоял вопрос об отмене крепостного права. Крестьяне объективно боролись за полное уничтожение крепостничества, за «американский» буржуазный путь развития. Класс помещиков отстаивал другой буржуазный путь — «пруссский путь» развития, который обеспечивал бы «максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приёмов эксплуатации»¹.

«Прусский» путь рисовался помещикам в самых разнообразных вариантах: либо в виде медленного или более быстрого отмирания крепостничества и замены его элементами капитализма, либо в виде продолжения полуфеодальной эксплуатации при сохранении некоторых вотчинных прав помещика или при упразднении этих прав, при предоставлении крестьянам наделов за выкуп в собственность или в условное пользование, при лишении крестьян каких-либо прав на землю и т. д. И когда царское правительство поставило вопрос о реформе, то помещики — в зависимости от местных условий и степени «обуржуазивания» — раскололись на разные группы, начав борьбу между собой за тот или иной вариант отмены крепостного права. Этой борьбой накануне 1861 г., в той или иной мере было охвачено дворянство буквально всех губерний России.

В задачу настоящей статьи входит показать на основании изученных архивных фондов и других материалов борьбу внутри дворянства типичной крепостнической Нижегородской губернии накануне ликвидации крепостного права.

Небезынтересно, что нижегородское дворянство первым отозвалось на царский рескрипт Назимову от 20 ноября 1858 г. и изъявило желание немедленно образовать у себя Комитет по «устройству и улучшению быта помещичьих крестьян».

Примечателен и тот факт, что нижегородский губернатор Муравьев — в отличие от других губернаторов России — проявлял исключительный интерес к подготовке губернским комитетом проекта об «освобождении» крестьян и что именно он в губернии «вопрос крестьянский в ход пустил», как впоследствии упрекали его заядлые реакционеры.

Не менее значительным представляется и то, что за ликвидацию крепостного права были члены Нижегородского губернского комитета, выражавшие интересы помещиков южных, по преимуществу чернозёмных уездов губернии, где преобладала барщина² и где в некоторых имениях в какой-то мере уже практиковался вольнонаёмный труд. Члены же Комитета, выражавшие интересы помещиков северных и центральных уездов губернии, где широко были развиты крестьянские промыслы и где почти безраздельно господствовала оброчная система эксплуатации крестьян, крайне неохотно шли на изменение существующих крепостных отношений.

Наконец, не лишено интереса и то обстоятельство, что заседания Нижегородского губернского комитета сопровождалось такими резкими столкновениями между его членами, что Комитет смог довести до конца начатую работу только после энергичного вмешательства «сверху».

★

Рескриптом Александра II от 20 ноября 1857 г. в Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях предлагалось создать дворянские комитеты и приступить к составлению проектов положений «об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян». В рескрипте указывалось, что за помещиками будет сохранена собственность на всю землю, а крестьянам будет оставлена лишь усадебная оседлость; последняя в течение определённого времени должна быть выкуплена. Крестьянам сверх того предполагалось предоставить в пользование землю для обеспечения их быта и выполнения обязанностей перед правительством и помещиком. В дополнении к рескрипту разъяснялось, что ликвидация крепостного права должна совершаться не вдруг, а постепенно, для чего намечалось установить переходный, не превышающий 12 лет период, и что, наконец, количество земли, отводимое в пользование крестьянам, должно определяться «по местным обстоятельствам и обычаям»³.

Копии с рескрипта на имя Назимова были разосланы губернаторам и губернским предводителям дворянства всех губерний России «для сведения и соображения на случай, если бы дворянство этих губерний изъявило подобное же желание».

² Игнатович Н. «Помещичьи крестьяне накануне освобождения», стр. 75. 3-е изд. Л. 1925.

¹ Ленин. Соч. Т. XI, стр. 349.
² Тройницкий А. «Крепостное население в России, по 10-й народной переписи», стр. 49. СПб. 1861.

По переписи 1858 г., удельный вес крепостных помещичьих крестьян в Нижегородской губернии составлял 58,97%, в среднем же по Европейской России — 37,51%.

В целом по губернии соотношение барщинных крестьян к оброчным было 32:68.

³ «Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости». Т. I (издание второе), стр. 1—2. СПб. 1862.

Царское правительство стремилось к тому, чтобы к реформе приступили сами помещики, чтобы можно было провозгласить, что дворяне сами добровольно решили отказаться от крепостного права. Но когда правительство обратилось ко всем губернаторам и губернским предводителям дворянства с запросом о впечатлении, произведённом рескриптом, то оказалось, что ни в одной из губерний дворянство не выразило желания приступить к «освобождению» крестьян на выдвинутых правительством началах.

Первыми всё же, как мы указывали выше, на призыв правительства отозвались дворяне Нижегородской губернии. 17 декабря 1857 года на общем губернском собрании они постановили изъять полную готовность «исполнить священную волю государя императора». Постановление было подписано губернским предводителем дворянства, предводителями дворянства всех одиннадцати уездов и присутствовавшими на собрании 115 дворянами⁶. Настроение собравшихся было как будто бы приподнятым и даже внешне единодушным: среди дворян не оказалось ни одного, кто бы заявил протест против реформы (хотя таких людей на собрании, как увидим из дальнейшего изложения, было немало). «Троекратное ура, огласившее всё собрание,— рапортовал губернатор министру внутренних дел,— послужило единогласным выражением общего мнения»⁷.

Виднейший нижегородский краевед-исследователь второй половины XIX в. Гациский утверждает, что инициатива в решении столь важного вопроса принадлежала дворянам, состоявшим ранее в ополчении 1855 года⁸.

Немаловажную роль в подготовке настроения дворян «покончить навсегда с крепостным правом» сыграл, как мы уже указывали выше, губернатор А. Н. Муравьёв. Бывший декабрист, в своё время член «Союза спасения» и «Союза благоденствия», подвергшийся высылке в Сибирь (где он вскоре получил возможность поступить на гражданскую службу), А. Н. Муравьёв оказался к тому времени на посту нижегородского губернатора и уже успел прослыть за человека с самостоятельным характером, желавшего служить только по совести (в своё время в Тобольске он вёл жестокую борьбу со взяточничеством чиновников)⁹. На пост нижегородского губернатора его назначили, видимо, в расчёте на то, что он сумеет провести «предначертания» правительства (ми-

нистр внутренних дел Ланской состоял с Муравьёвым в приятельских отношениях, в молодые годы оба они были масонами и членами «Союза благоденствия»). Муравьёву в это время было уже лет под семьдесят. Несмотря на преклонный возраст, он всё ещё был бодр и энергичен. Как губернатор, Муравьёв проявил довольно внимательное отношение к жалобам крестьян и нередко добивался установления опеки над именьями тех помещиков, которые истязали своих крепостных; вместе с тем он оказывал противодействие переселению крестьян на худшие земли и отдале их вне очереди в рекруты. Утверждают, что, получив сообщение о постановлении дворян от 17 декабря 1857 г., Муравьёв был до того обрадован и растроган, что «зарыдал громко»¹⁰. На другой день после собрания нижегородских дворян Муравьёв дал одному из активных участников собрания, Штевену, курьерскую подорожную и всеми мерами спешил направить его в Петербург¹¹. В тот же день он отослал министру внутренних дел Ланскому телеграмму с сообщением о постановлении дворян и о посылке в Петербург с извещением об этом Штевена. В ночь с 17 на 18 декабря кроме того послал в Москву с письмом и телеграммой о постановлении дворян правителя канцелярии¹². Муравьёв, видимо, понимал, что многие дворяне подписали постановление 17 декабря в порыве проявления «верноподданнических чувств» и что каждую минуту можно ждать их отказа от этого решения. Так оно на деле и оказалось. Подписавшие постановление крепостники вскоре спохватились и пошли на пятый. Они выдвинули из своей среды крупнейшего помещика Горбатовского уезда Шереметева и князя Потёмкина и направили их в Петербург вслед за Штевенем, чтобы заявить там от имени дворян, что с принятием постановления вышло недоразумение и что дворяне несогласны устраивать и улучшать быт крестьян на началах, объявленных в рескрипте на имя Назимова. Однако Шереметев и Потёмкин опоздали. Уже 24 декабря 1857 г. на имя нижегородского губернатора Муравьёва последовал новый «высочайший» рескрипт, провозглашавший, что нижегородское дворянство первым показало пример готовности принять участие в важном деле—подготовке крестьянской реформы, и что ему разрешается — посредством учреждения Комитета — приступить к составлению проекта об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян.

10 февраля 1858 г. в Нижнем Новгороде был создан губернский комитет по крестьянскому делу, в составе губернского предводителя дворянства (он же должен был председательствовать), 22 представителей от уездов (по 2 человека от каждого) и 2 представителей от правительства (по назначению

⁶ Семёнов-Тянь-Шанский П. «Эпоха освобождения крестьян в России». Т. I, стр. 30. СПб. 1911.

⁷ Цитируется по статье Снежинского «Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губернии накануне реформы 19 февраля и в первые годы после неё». «Действия Нижегород. губ., Учёный Архив Комиссии». Сборник. Т. III, стр. 76.

⁸ Гациский А. «Люди Нижегородского Поволжья». Биография Н. И. Русина, стр. 217—218. 1887.

⁹ «Нижегородский ежегодник». Календарь-справочник за 1913 г., стр. 83.

¹⁰ Там же.

¹¹ Савельев А. «Несколько слов о бывшем Нижегородском губернаторе А. Н. Муравьёве». Журнал «Русская старина». Т. 94-й, стр. 619—620. СПб. 1898.

губернатора). В Комитет вошли сравнительно крупные помещики. Так, например, в нём состоял выдвинутый от Горбатовского уезда Стремоухов (владевший более 400 крепостных мужского пола), от Нижегородского уезда — Козлов (владевший $1\frac{1}{2}$ тыс. крепостных), от Семёновского уезда — Купрянов (владевший около 500 крепостных), от Арзамасского уезда — Виноградов (владевший 457 крепостными мужского пола)¹².

Начало работы Комитета было приурочено к 19 февраля, дабы подчеркнуть этим верность трону (19 февраля являлось днём вступления на престол Александра II). До того как Комитет приступил к работе, перед дворянами выступил губернатор Муравьёв, который в своей речи подчеркнул, что на них, дворян, возложены «надежды царевы, надежды отечества, надежды 25.000.000 обоего пола братьев наших, ожидающих возвращения утраченных ими прав гражданской жизни и достоинства человека»¹³. Характерно, что жандармский офицер, секретно сообщавший о заседании Комитета начальнику III отделения, назвал речь Муравьёва «возмутительной прокламацией», так как в ней-де предлагалось восстановить «утраченную свободу прав человека»¹⁴.

Занятия в Комитете начались с выступления его председателя, помещика Сергачского уезда, Болтина, который указал, что дело, за которое влялось нижегородское дворянство, не новое, что им уже занималась на Западе и что, учитывая опыт Запада, надо «примирить интересы помещиков с интересами крестьян»¹⁵. Предводителю дворянства не случайно приходилось говорить об этом «примирении»: в губернии ширилась и обострялась борьба крестьян против помещиков. Так, например, имело место довольно крупное выступление в 1856 г. в деревне Сурки, Сергачского уезда. Крестьяне отказались подчиняться помещику и его управляющему и в связи с предстоящей коронацией царя ждали освобождения¹⁶. Более крупное выступление вспыхнуло в 1857 г. (осенью) в Макарьевском уезде, среди крестьян, принадлежавших помещику Демилову: 208 крестьян пришли в Нижний Новгород к губернатору с жалобой на то, что помещик обложил их непосильным оброком и заставляет работать «при постройке дома за ничтожную плату»¹⁷.

Боязнь крестьянских волнений, инстинкт самосохранения толкали господствующий класс пойти на известные уступки крестьянству. Вопрос заключался в том, в какой форме и в какой мере будут сделаны эти уступки. В. И. Ленин писал: «Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой внутри господствующих классов, большей частью внутри помещиков, борьбой исключительно из-за меры и формы уступок. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти»¹⁸.

Разногласия между членами Нижегородского губернского комитета начались почти с самого же начала его работы и приобрели, как увидим из дальнейшего изложения, такую остроту, что одно время совершенно парализовали его деятельность. Разногласия объяснялись неоднородностью состава нижегородского дворянства (были помещики крупные, среднеземельные и малоземельные) и тем, что интересы помещиков одних уездов не совпадали с интересами помещиков других уездов. Немалую роль в разногласиях между членами Комитета играло и то обстоятельство, что в рескрипте Наминову и в правительственной программе от 21 апреля 1858 г. не предусматривалась возможность выкупа земельных наделов крестьянами и упразднение вотчинной власти. А между тем значительная группа помещиков была экономически заинтересована в выкупе крестьянами земельных наделов. Наконец, нельзя недоуचितывать и того, что дворянский губернский комитет был создан в Нижнем Новгороде одним из первых (раньше был открыт только Петербургский губернский комитет) и что в подготовке проекта положений об устройстве и улучшении быта крестьян именно он прокладывал путь другим губерским комитетам. (Недаром из губерний, запоздавших с открытием комитетов, — Вологодской, Казанской, Смоленской, Тамбовской, Самарской, Оренбургской — к Нижегородскому комитету обращались за разъяснениями и с просьбами прислать «образцы» принятых проектов положений и т. п.).

Едва в Нижегородском комитете встал вопрос о том, чтобы приступить к непосредственному составлению проекта положений об улучшении быта крестьянства, как подавляющее большинство членов Комитета высказалось за прекращение работы его до 1 мая, с тем чтобы члены Комитета могли поехать на места, собрать необходимые сведения о помещичьих имениях. Против этого решения усиленно возражали Штевен и Нестеров (введённые в Комитет по указанию губернатора Муравьёва), Карамзин (сын известного историка Н. М. Карамзина, избранный от Ардатовского уезда) и Лагода (от Арзамасского уезда), считавшие, что

¹² Тройницкий А. Цит. соч., стр. 45. В это время в Нижегородской губернии на одного помещика в среднем приходилось по 246,2 крепостных мужского пола; в среднем по Европейской России — 100,13.

¹³ Центральный Исторический архив (ЦИА), фонд III отделения, 4-я экспедиция, год 1857, д. № 199, лист 19—20.

¹⁴ Там же, лист 21—22.

¹⁵ Горьковский областной архив, фонд Нижегород. губернского дворянского комитета, год 1858, д. № 1 — журнал заседаний Комитета, лист 6.

¹⁶ ЦИА, фонд III отделения, 4-я экспедиция, год 1856, д. № 172, лист 12.

¹⁷ Там же, год 1857, д. № 255, лист 22.

¹⁸ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 143.

необходимо вначале составить и утвердить общие положения и только после этого выехать на места для сбора необходимых сведений. Большинство членов Комитета не пожелало принимать во внимание их доводы, и работа Комитета была прекращена. О разногласиях среди членов Комитета жандармский офицер секретно сообщал начальнику III отделения: «В комитете резко отделилась партия, которую называют красными, во главе оной Карамзин и Штевей; принадлежащие к этой партии члены Комитета настаивают на скорейшем окончании действий Комитета, находя излишним собирать подробные статистические сведения от каждого помещика об его имении»¹⁹.

Губернатор Муравьев выразил недовольство прекращением занятий Комитета. В своём отношении на имя Комитета он писал, что «прерванное занятие комитета на столь долгое время... было бы несоответственно видам правительства», и просил Комитет более подробно изложить ему причины перерыва занятий. Муравьев, как видим, попрежнему стремился к тому, чтобы «основания устройства и улучшения» быта крестьян были установлены Комитетом как можно быстрее. Нетерпение Муравьева было так велико, что в апреле он сам составил проект положений и направил его на рассмотрение министра внутренних дел с тем, чтобы потом представить его в губернский комитет. Однако министр внутренних дел возвратил проект обратно и не разрешил Муравьеву передавать его в Комитет, мотивируя это тем, что по вопросу устройства и улучшения быта крестьян уже составлена правительственная программа и издаются соответствующие циркуляры. Что собой представлял проект Муравьева, судить трудно. В Нижегородском архиве обнаружить его не удалось. Однако есть некоторые основания полагать, что он был составлен в либеральном духе и существенно отличался от проекта составленного впоследствии крепостническим «большинством» членов Нижегородского комитета. Так, на просьбу казанского губернатора прислать принятые проекты положений Муравьев писал, что «проект большинства до такой степени не сообразен с делом, что лучше его не показывать»²⁰.

Свои заседания Нижегородский комитет возобновил 5 мая. К этому времени стала известна правительственная программа от 21 апреля 1858 года. Но она представляла собой, «в сущности, только наметку, составленную с целью показать дворянам, в каком направлении им надлежит действовать»²¹. В ней разъяснялось, что сначала нужно собрать необходимые сведения о помещичьих имениях, затем обсудить все вопросы, которые должны будут войти в проект положений об устройстве крестьян, и только после этого написать самый проект положений.

¹⁹ ЦИА, фонд III отделения, 4-я экспедиция, год 1857, д. № 199, лист 21—22.

²⁰ Савельев А. Цит. соч., стр. 626.

²¹ К. Маркс «Об освобождении крестьян в России». Соч. Т. XI. Ч. 1-я, стр. 538.

К этому времени поездные сведения о помещичьих имениях в Нижегородской губернии были уже собраны; требовалось только разбить помещичьи имения по разрядам. Разбивка помещичьих имений по разрядам диктовалась, как это разъяснил председатель комитета Болтин, тем, что интересы владельцев «промышленных и торговых имений» отличались от интересов «земледельческих имений» и что, в свою очередь, интересы владельцев «большеземельных имений» отличались от интересов владельцев «малоземельных земледельческих или смешанных имений». Если первые, по словам Болтина, дорожили личностью крестьянина и были против выкупа крестьянином усадьбы с некоторым количеством земли в собственность, то последние как «некапитальные владельцы смешанных и даже среднеземельных земледельческих имений» предпочитали обязательный труд волному и считали для себя выкуп крестьянином усадьбы и некоторого количества земли благодеянием, так как он доставил бы владельцам тот капитал, с помощью которого они легко «могли бы устроить своё хозяйство на прочных и выгоднейших для себя условиях, сообразно новому порядку вещей»²².

Таким образом, в выступлении Болтина ясно указывалось, в чём расходились интересы различных помещичьих групп губернии. Владельцы промышленно-торговых, большеземельных имений — преимущественно помещики северных и большей частью центральных уездов губернии — крайне дорожили личностью крестьян и были против выкупа крестьянами усадьбы и некоторой части полевой земли, тогда как помещики «некапитальных» и среднеземельных имений — помещики преимущественно южных земледельческих уездов — были за выкуп крестьянами усадьбы и отчасти полевой земли, так как этот выкуп давал им в руки капитал для перестройки хозяйства на капиталистический лад.

Члены Комитета, выражавшие интересы помещиков северных и центральных уездов, при обсуждении первых двух глав проекта — «Переход крестьян из крепостного состояния в срочно-обязанные» и «Сущность срочно-обязанного положения» — выдвинули предложение установить 12-летний переходный период, в течение которого «крестьяне остаются вообще крепкими земле». Необходимость такого длительного срока переходного состояния вызывалась якобы тем, что помещики и крестьяне «для быстрых... переворотов» плохо подготовлены и что, по словам представителя Макарьевского уезда графа Толстого, «мало из нас сроднилось с новейшими идеями, мало крестьян, понимающих истинную свободу; слишком сильно будет обоюдное ожесточение, слишком пылки неостывшие страсти». Он же указывал, что на новое поприще надо вступать «осторожно и тихо»²³.

²² Журнал заседания Комитета, лист 44—45.

²³ Журнал заседания Комитета, лист 79.

Против этого предложения выступали представители южных земельных уездов — Сущёв от Васильского уезда, Руссинов — от Лукояновского уезда. Они считали, что для срочно-обязанного состояния вполне достаточно и шести лет и что владельцы быстро подготовятся «к перемене системы хозяйственного устройства». Однако большинством голосов было принято предложение о 12-летнем периоде для срочно-обязанного состояния.

Обсуждение третьей главы — «Поземельные права помещиков» — не вызвало споров. Единодушно было принято решение, что вся земля, переданная в пользование срочно-обязанным крестьянам, составляет неотъемлемую и неприкосновенную собственность помещика и что последний имеет полное право распоряжаться ею: продавать, дарить и закладывать.

Крупные разногласия возникли между членами Комитета при обсуждении четвертой главы проекта — «Усадебное устройство крестьян». Глава эта явилась, по выражению одного из членов Комитета, «камнем преткновения». Столкнулись в основном два мнения. Выразителем одного мнения был горбатовский помещик Стремоухов, имевший большой вес среди нижегородских крепостников-помещиков (впоследствии он стал губернским предводителем дворянства, сменив Болтина) и выступивший против приобретения крестьянами усадебной земли. Выразителем другого мнения, «меньшинства» членов, был помещик Васильского уезда Сущёв, который считал, что нужно разрешить крестьянам по установленной цене приобретать усадебную оседлость в собственность. Большинство голосов было принято предложение Стремоухова.

При обсуждении этой главы наиболее левую позицию среди членов «меньшинства» занял Штевен. Он резко выступил против принятого решения о двенадцатилетнем срочно-обязанном периоде для крестьян и настаивал, чтобы крестьянам обязательно было предоставлено право выкупа усадеб, оценённых «умеренно». Выступление Штевена, как писал Стремоухов, прозвучало в Комитете «почти всеобщий взрыв возмущения»²¹ и воспринято было, как «неуважение» к Комитету и оскорбление дворянства. Для Штевена в Комитете создалась такая обстановка, что губернатор Муравьёв выпущен был заменить его другим (вместо Штевена Муравьёв ввёл в Комитет бывшего декабриста Анненкова).

Но когда постановление Комитета об усадебном устройстве крестьян поступило на просмотр губернатору (таков был установленный правительством порядок работы Комитета), то последний нашёл, что оно противоречит изложенным в «высочайшем» рескрипте 24 декабря 1857 г. основаниям. «Но что делают теперь представители сего благородного сословия? — писал укоризненно Муравьёв в своём отношении на имя Комитета. — Они журналом 26 июня, отъезжая у крестьян право определённого выкупа усадеб их, уклоняются от торжест-

венно данного государю и всей России обета... Таково ли должно быть улучшение быта, ожидаемое и правительством и всем образованным миром и, наконец, самим крестьянством»²².

Это отношение Муравьёва к решениям Комитета вызвало среди членов «большинства» Комитета, крепостников, большое раздражение. Они говорили, что губернатор неправильно толкует «высочайшее» указание рескрипта об усадебной оседлости (граф Толстой) и что брошенные им «укоризны и угрозы» ими «не заслужены» (Аристов)²³.

Не менее бурно протекало также обсуждение и пятой главы проекта — «Надел крестьян землёй». Касаясь не только вопроса о крестьянском наделе, но в шестой главе — «Повинности крестьян» — проект положения которой также был подготовлен некоторыми членами Комитета, выступили в острую полемику со своими противниками. Помещики южных земельных уездов Руссинов и Сущёв говорили, что крестьянские наделы и повинности есть «насушенный владельческий хлеб». В результате было вынесено решение: надел земли, отводимой в пользование срочно-обязанных крестьян, должен производиться в имениях преимущественно земельных по числу рабочих тяглов, а в имениях же промышленных и торговых — по душам; в земельных имениях, как бы оно ни было мало, в пользовании крестьян идёт только $\frac{1}{4}$ пахотной и луговой земли, $\frac{1}{4}$ остаётся в распоряжении помещика; в имениях среднеземельных и многоземельных (независимо оброчные или пахотные) надел на тягло должен выражаться в $5\frac{1}{4}$ дес., включая сюда усадебную оседлость и выгон; в имениях же промысловых, смешанных, где земледелие не составляет главного занятия, если помещик не пожелает оставить за собой $\frac{1}{4}$ часть пашни и сенокоса, то надел может остаться прежним»²⁴.

Против постановления Комитета о наделении крестьян землёй из восемнадцати присутствовавших на заседании членов голосовало трое, причём двое из них — Сущёв и Руссинов — потребовали записать в журнал: «Надел земли, определённый большинством... не ясен и не точен, тем более, что надел усадеб должен быть отдельно от полевой земли и надел сей последний должен, согласно рескрипту, обеспечивать быт крестьян и выполнение ими обязанностей перед правительством».

16 июля в Комитет от губернатора поступило новое отношение, подлившее масла в огонь. Ввиду истечения в августе положенного срока работы Комитета, Муравьёв указывал на необходимость ускорить занятия Комитета и обращал внимание его членов (в связи с предстоявшим в августе приездом в Нижний Новгород Александра II) на то, что царю при встрече его с теми из его подданных, которые первые вызвались

²¹ Там же, лист 246—247.

²² Там же, лист 234.

²³ Там же, лист 302.

²⁴ Там же, лист 246—249.

²⁵ Там же, лист 246.

²¹ Журнал заселения Комитета, лист 119—125.

исполнить священную его волю, ничего не может быть приятнее, как видеть их «первыми и в совершении оной»³⁰.

Однако Муравьеву теперь было труднее направлять деятельность сидевших в Комитете крепостников, ибо уже 11 июня Комитет вынес постановление ходатайствовать, в виду непредвиденных трудностей³¹, о предоставлении для продолжения занятий нового шестимесячного срока. С предложением губернатора об ускорении составления проекта положений согласилось только либерально настроенное «меньшинство». «Большинство» же членов Комитета в составе тринадцати человек подписало отзыв³², в котором говорилось, что всё, сделанное до сих пор Комитетом, легкомысленно, вследствие «какого-то ничем не объяснимого недоброжелательства к своему сословию» и есть лишь «горький и незрелый плод». В отзыве далее предлагалось снова взяться за пересмотр и переделку всего проекта, приняв за основание денежный выкуп крепостной личности и обязательного труда. Члены Комитета из состава «меньшинства» в этом отзыве были названы «анти-дворянами, лукавыми рабами»³³.

Как видим, «большинством» членов Комитета в самой резкой форме ставился вопрос о пересмотре всего того, что было уже принято. Оно же потребовало положить в основу проекта выкуп крепостной личности и обязательного труда.

К слову сказать, вопрос о выкупе крестьянами личной «свободы» стоял ещё при обсуждении первой главы — «Переход крестьян из крепостного состояния в личное-обязанные». Тогда мнения по этому вопросу разделились: одни говорили, что вопрос о выкупе крестьянами личной «свободы» следует связывать с вопросом о крестьянской оседлости, другие — что этот вопрос неудобно ставить, поскольку в правительственной программе он не возбуждался. Однако тогда большинством голосов (13 против 10) было принято решение, что личная «свобода» даруется крестьянам безвозмездно³⁴.

«Меньшинство» членов Комитета растерялось. Свободный Болтин прикинулся больным и отказался от председательствования в Комитете, передав его представителю большинства — Пятову. Подали докладную записку с просьбой об увольнении из Комитета Русинев, Суцёв и Демидов (помещик из Васильского уезда). Наконец, после некоторого колебания ушли из Комитета и остальные члены «меньшинства» (Карамзин, Лагода, Нестеров, Эшман). В Комитете остались только одни сторонники «большинства».

Но растерялся, однако, Муравьев. В отношении на имя Болтина он предупредил, чтобы члены Комитета, подписавшие отзыв, «имени Комитета себе не присваивали»³⁵. Наряду с этим он написал длинное отношение министру внутренних дел, в котором указал, что единственным средством устранения в Комитете духа «бессмысленной строптивости» является исключение из него всех подписавших отзыв членов и запрещение им въезда в Нижний во время пребывания в нём царя³⁶.

Но не осталось в долгу в свою очередь и «большинство». Оно тоже направило жалобу министру внутренних дел, в которой заявляло, что предложение губернатора «есть, в сущности, не что иное, как обидный акт, произнесённый над Комитетом гласно, открыто, перед лицом всех сословий», и что это «обличение в предвзятом, будто бы, уклонении от торжественно данного государю и всей России обета» есть «слово и дело», официальной властью произнесённое и пущенное в народ»³⁷.

Прекращение деятельности Комитета в Нижнем Новгороде не на шутку обеспокоило Петербург, так как, по существу, только в это время дворянство в России и начинало свою деятельность по созданию губернских комитетов. Прекращение занятий в Нижегородском комитете до известной степени дискредитировало правительственную идею организации комитетов. Безусловно, необходимо было прибегнуть к решительным мерам.

28 июля на имя губернатора Муравьева поступило уведомление от министра внутренних дел с сообщением о «высочайшем» повелении, согласно которому мнение 13 членов Комитета, подписавших отзыв, отвергалось, а Пятову в этой связи объявлялся «строгий выговор», остальным 12 членам — «строгое замечание»; «меньшинству» же, которое «руководствовалося началами человеколюбия и государственной пользы», — царское «благоволение». В предписании министра внутренних дел губернатору предлагалось самому открыть прерванные занятия Комитета и «принять все меры к своевременному окончанию возложенного на него (Комитет) поручения».

Однако правительство тогда же направило в Нижний Новгород товарища министра внутренних дел Левшина с тем, чтобы расследовать причины «ссоры» в Комитете. При расследовании Левшин занял позицию примирения враждующих сторон. Прибывшему 18 августа в Нижний Александру П он доложил, что обе враждующие стороны виноваты... «уклонились от пути долга и ввязались в ссоры и личности»³⁸. Согласившись

³⁰ Горьковский обл. архив, фонд канцелярии нижегородского губернатора, год 1858, дело № 6618, лист 210.

³¹ Там же, лист 149.

³² Там же, лист 241—242.

³³ Там же, лист 234.

³⁴ Левшин А. «Достопамятные минуты в моей жизни», журн. «Русский архив», 1885 г., № 8, стр. 547.

³⁵ Журнал заседания Комитета, лист 243.

³⁶ Там же.

³⁷ ЦИА, фонд III отделения, 4-я экспедиция, год 1857, д. № 199, лист 31—37.

³⁸ Горьковский обл. архив, фонд канцелярии нижегородского губернатора, год 1858, дело № 6618, лист 153.

³⁹ Журнал заседаний Комитета, лист 69.

с выводами Левшина, Александр II в речи, произнесённой перед правителями губернской власти и дворянством, выразил надежду, что больше «ссоры» не будет и для окончания составления проекта положений разрешил продлить срок занятий до 1 октября. Кроме того он обещал, что два члена Комитета будут вызваны в Петербург на совещание для окончательного утверждения принятого проекта положения об устройстве и улучшении быта крестьян⁴⁰.

Заседания Нижегородского комитета возобновились 4 августа. Начались они с пересмотра принятых ранее постановлений. Прежнее решение по четвёртой главе проекта — «Усадебное устройство крестьян» — большинством голосов было изменено. Теперь обществу в имениях «земледельческих, барщинных» предоставлялось право выкупать усадеб по цене в 20 коп. серебром за квадратную сажень⁴¹, т. е. 480 рублей серебром за указную десятину. В отношении же пятой главы — «Надел крестьян землёй» — было постановлено в имениях среднземельных и многоземельных, оброчных и пахотных, надел земли на тягло отводить в $4\frac{1}{2}$ десятины во всех трёх полях и $\frac{1}{2}$ десятины луга, т. е. в 5 десятин⁴².

По шестой главе — «Повинности крестьян» — сначала было постановлено, что за предоставленный в пользование надел крестьянское тягло должно отбывать на помещика в году 80 мужских и 50 женских рабочих дней. Но после того как прибывший в Нижний Новгород Левшин признал это постановление «умеренным» и «великодушным», Комитет на следующем же заседании изменил его в сторону увеличения повинностей, положив в основу их двухдневную барщину при 49 рабочих неделях в году. Поскольку определяемый крестьянский надел в 5 дес. на тягло был примерно на $\frac{1}{2}$ ниже существующего надела, то практикуемую обычно трёхдневную барщину решено было уменьшить на $\frac{1}{2}$, т. е. перевести в двухдневную.

По седьмой главе — «Устройство дворовых людей» — большинством (при наличии некоторых разногласий) было принято решение присвоить дворовым, как и крепостным крестьянам, наименование срочно-обязанных и установить срочно-обязанный период для них также в 12 лет. В течение этого времени дворовые должны были оставаться в полной зависимости от помещика.

При обсуждении восьмой главы — «Образование сельских обществ» — больших споров не возникло. 14 голосами против 5 было признано, что «нижею нормою для образования отдельного крестьянского общества полагается 21 душа»⁴³, что общество отвечает за выполнение всех государственных и помещичьих повинностей, начальником общества является тот землевладелец, кому принадлежит земля, и что под руководством

этого начальника действует полиция в лице мирского старосты.

С восьмой главой была тесно связана девятая — «Права и отношения помещиков». Принятое по ней решение говорило о том, что помещик для сельского общества остаётся прежним властью, ибо в его руках сохраняются руководство хозяйством и административно-полицейская власть.

Решение, принятое по последней, десятой главе — «Порядок и способы исполнения» — гласило, что с утверждением данного проекта положений устанавливается шестимесячный срок для представления землевладельцам в Комитет актов о переводе крестьян в срочно-обязанные и что эти переходные акты по указанию Комитета до утверждения проверяются на местах.

★

Итак, что же представляет собой проект положений об «устройстве и улучшении» быта крестьян, принятый в Нижегородском губернском комитете «большинством голосов», т. е. крепостниками?

Принятый проект положений, по существу, не вносил каких-либо серьёзных изменений в существовавшие крепостные отношения между помещиками и крестьянами. Хотя проект и начинался словами, что «огнине и навсегда личное крепостное право прекращается и на деле и в актах»⁴⁴, однако в действительности крестьянин в течение 12 лет попрежнему должен был находиться в полной зависимости от помещика. Вся «кустка» крепостников состояла лишь в том, что крестьянам (обществу) разрешалось по невероятно высокой цене выкупать усадебную землю, предоставлялась в пользование земля в пределах около $\frac{1}{2}$ существовавшего надела и уменьшались в соответствии с уменьшением надела повинности.

Когда принятый Комитетом проект положений об устройстве и улучшении быта крестьян поступил в «распоряжение» губернатора Муравьёва, последний подверг его довольно резкой критике. Муравьёв писал, что «крепостное право уничтожается лишь в актах и оставляется со всеми своими последствиями на деле»⁴⁵. Он решительно высказался против установления 12-летнего срочно-обязанного состояния для дворовых, когда «власть и произвол господина над слугою, обречённым на безмолвную покорность, несколько не умерены», и против полицейского устройства крестьянских обществ, когда помещику — начальнику общества — предоставляются все права, в том числе и судебно-исполнительная власть. Муравьёв был также и против высокой оценки усадебной земли, предоставляемой крестьянам в пользование. Он хотел, чтобы крестьян

⁴⁰ Газета «Нижегородские губернские ведомости» (часть неофициальная), 1858 г., 20 сентября, № 39.

⁴¹ Журнал заседаний Комитета. лист 370.

⁴² Там же, лист 403.

⁴³ Там же, лист 537.

⁴⁴ Горьковский областной архив, фонд Нижегородского губернского дворянского комитета, «Проект положения об устройстве быта помещичьих крестьян Нижегородского комитета», лист 1.

⁴⁵ «Мнение нижегородского губернатора А. Н. Муравьёва на проект, составленный Нижегородским Комитетом» (Горьковская областная библиотека имени Ленина).

яне в результате отмены крепостного права, сделались собственниками, стали действительно людьми оседлыми»⁴⁶.

«Меньшинство» снова заявило о своём несогласии с решениями «большинства». Либералы в лице председателя Комитета Болтина 3 октября 1858 г. обратились к губернатору Муравьеву с заявлением о том, что хотя они и подписались «к общему обозрению... чтобы не заводить личностей и не останавливать окончания работ к означенному сроку»⁴⁷, однако просят возбудить ходатайство перед правительством о разрешении «меньшинству» представить свой проект положений об устройстве и улучшении быта крестьян. Не разделявший взглядов «большинства», Муравьев охотно пошёл навстречу либералам. Он направил министру внутренних дел отношение с просьбой разрешить девяти членам Комитета, которые несогласны с принятым проектом, представить уже составленный ими свой проект положений и направить его на рассмотрение. Желание «меньшинства» и Муравьева было удовлетворено. Разрешено было представить оба проекта.

Что представлял собой проект положений «меньшинства» членов Комитета? Он, естественно, был составлен в духе высказываний членов «меньшинства» на заседаниях Комитета. Так был признан «необходимым и вместе с тем достаточным для того, чтобы крестьяне усвоили себе понятие о новых отношениях своих к землевладельцам и о труде»⁴⁸, шестилетний срок обязательного положения. Далее в проекте «меньшинства», как и в проекте «большинства», указывалось, что «крестьянам предоставляется приобретать в собственность, посредством выкупа, усадебную оседлость», но при этом (в отличие от проекта «большинства») отмечалось, что оценка усадебной оседлости должна производиться «не иначе, как совокупно с земляными угодьями, отводимыми крестьянам в пользование, в среднем по стоимости в 65 рублей за десятину. Давая льготу в отношении приобретения усадебной оседлости и сокращая срочно-обязанный период наполовину, члены «меньшинства», однако, находили, что определённый «большинством» надел в 5 десятин на тягло, или 2 десятины на ревизскую душу, велик. Они предлагали установить надел крестьян в земельно-лических имениях в размере 1¼ десятины на ревизскую душу. Такой мизерный надел они считали «справедливым» для помещика и «удобным» для самих крестьян, так как, мол, с уменьшением размера наделов уменьшатся и повинности крестьян.

⁴⁶ «Мнение нижегородского губернатора А. Н. Муравьева на проект, составленный Нижегородским Комитетом» (Горьковская областная библиотека имени Ленина).

⁴⁷ Горьковский областной архив, фонд канцелярии нижегородского губернатора, год 1858, л. № 6618, лист 347 (дополнительный).

⁴⁸ Проект положения об улучшении быта помещичьих крестьян Нижегородской губ., составленный меньшинством членов Комитета (хранится в Горьковской областной библиотеке имени Ленина).

Стало быть, «уступки» «меньшинства» членов Комитета — либералов, — направленные на то, чтобы дать крестьянину известную независимость, свободу, делались за счёт самых кровных его интересов — за счёт почти полного обезземеливания. И если нижегородские крепостники намеревались отрезать от существующих крестьянских наделов 37% земли, то либералы хотели отнять у них свыше 60%⁴⁹. Объяснялось это различие позиций тем, что «большинство» членов Комитета выражало интересы крупных помещиков, помещиков преимущественно оброчных имений. Размер же надела, отводимого в пользование крестьян, не имел уже для них столь большого значения, так как им выгоднее было получить выкуп за «личность» или, по крайней мере, вознаградить себя за неё высокой оценкой усадеб (что и было принято «большинством» членов). Члены «меньшинства» Комитета выражали интересы средних землевладельцев, преимущественно южных, хлеботорговых уездов, где помещики крайне дорожили землёй.

Таким образом, как члены «меньшинства», так и члены «большинства» при составлении проектов подожерий руководствовались лишь своими собственными эгоистическими и своекорыстными помещичьими интересами. И если отдельные члены «меньшинства» иногда поднимали голос за необходимость устройства и улучшения быта крестьян, то это было лишь либеральным жестом, либеральной болтовнёй.

Между началами, положенными в основание рескрипта Назимову, и программой работ губернских комитетов, с одной стороны, и выпущенным «Положением 19 февраля 1861 года» — с другой, имеется значительная разница. Царское правительство, напуганное всё возрастающим крестьянским движением, в вопросе о реформе было вынуждено пойти дальше, чем намечалось вначале. Это нашло своё выражение в решениях Главного комитета, изложенных в журналах и утверждённых Александром II 26 октября и 4 декабря 1858 года. На основании этих решений редакционные комиссии летом 1859 г. подготовили вчерне общий проект положений об «освобождении» крестьян, по которому намечалось отменить право собственности на личность и труд крестьян без вознаграждения, возложить на помещика обязанность продать им усадьбы по установленной цене, передать крестьянам в бессрочное пользование часть земли, положив в основу нормы существующий надел, установить в отношении отбывания повинностей средний размер оброка и барщины, ликвидировать вотчинную власть помещика.

Осенью 1859 года в Петербург на совещание редакционных комиссий в числе депутатов первого созыва были вызваны представители от Нижегородской губернии: Стремелухов — от «большинства» и Нестеров — от «меньшинства» членов комитета.

⁴⁹ Семёнов-Тянь-Шанский П. Указ. соч. Т. I, стр. 330.

На этом совещании депутаты Нижегородской губернии выступали, понятно, в духе представленных ими проектов «об устройстве и улучшении» быта крестьян. Выдвинутые редакционными комиссиями нормы крестьянских наделов как Нестеров, так и Стремоухов находили чрезмерно высокими. Нестеров в подтверждение своего довода представил полученное от губернского предводителя дворянства Болтина письмо, говорившее о том, что дворяне Нижегородской губернии высказывают общее пожелание, чтобы за норму крестьянского надела был принят проект «меньшинства», т. е. 1½ дес. на ревизскую душу⁶⁰. Стремоухов же, выступая, говорил, что нормальный надел для крестьян — это 5 дес. на тягло или 2 дес. на душу мужского пола; закрепление же за крестьянами большего количества земли поведёт якобы к «омертвлению» обширных пространств, к ущербу дворянской собственности, к недостатку рабочих рук для обработки полей, питающих города, войска и торговлю⁶¹.

Но замечания и доводы депутатов Нижегородского губернского дворянского комитета, как и замечания и предложения депутатов многих других губерний, редакционными комиссиями не были приняты во внимание. Редакционные комиссии оставили в основном первоначально выработанный проект положений, что, конечно, вызвало среди депутатов большое возбуждение. На имя царя поступали адреса и ходатайства, чтобы депутатам первого созыва при окончательном принятии проекта редакционных комиссий в Главном комитете дозволили снова представить свои замечания. Подало свой голос и нижегородское дворянство. По возвращении Стремоухова и Нестерова из Петербурга в Нижний Новгород для совещания с прибывшими депутатами был созван съезд предводителей дворянства. В результате совещания было вынесено решение: написать на «высочайшее» имя прошение о том, чтобы была снижена норма наделения крестьян землёю. Это ходатайство подписали 96 дворян. В ходатайстве заявлялось, что взятое в крестьянском деле направление не может иметь благополучного исхода, что приведение в исполнение предложенных ре-

дакционных комиссий расстроит и разорит большую часть дворянства, что принятие предложенных редакционных комиссий поставит «два сословия во взаимно враждебное положение» и что в связи со всем этим нижегородские дворяне считают возможным «повергнуть к стопам» царя верноподданническую просьбу о нижеследующем:

«1) Для надела освобождаемых крестьян дозволить нам уступить государству часть своих земель в количестве 2-х десятин удобной земли на душу, с тем, чтобы в полном распоряжении владельца ни в коем случае не оставалось менее ¼ части всех угодий. 2) Означенным землям правительству немедленно производить выкуп посредством облигаций, приносящих проценты, погашаемых тиражами в определённые сроки. Крестьяне выплачивают правительству выкупной капитал за землю, данную им в собственность. 3) Всякие обязательные отношения между помещиком и крестьянином немедленно прекращаются, и крестьянин получает личную свободу с правом располагать без ограничения своим трудом и временем. 4) До приведения же сего в исполнение крестьяне остаются в прежних экономических отношениях»⁶².

Это ходатайство дворян Нижегородской губернии являлось значительным отступлением от проектов положений, представленных в редакционные комиссии. Однако развернувшаяся в стране борьба крестьян представляла такую опасность для правительства, что оно вынуждено было считаться далеко не со всеми пожеланиями отдельных прослоек провинциального дворянства. Прошение нижегородских помещиков на «высочайшее имя» не было даже доведено до сведения царя. Его передали в Главный комитет к рассмотрению вместе с другими «мнениями». Но, с другой стороны, царское правительство не могло пройти мимо целого ряда дворянских требований, в частности, требования части нижегородских дворян о сокращении крестьянских наделов. Правительство несколько снизило норму предлагаемого надела крестьян. Это снижение по Нижегородской губернии привело к тому, что в результате реформы 19 февраля 1861 г. от наделов, находившихся в пользовании крестьян до реформы, было отрезано 18% земли.

⁶⁰ Семёнов Н. «Освобождение крестьян в царствование Александра II», стр. 70, 1890.

⁶¹ Там же, стр. 78—79.

⁶² ЦИА, фонд III отделения. 4-я экспедиция, год 1857, д. № 193, ч. 21, лист 56—57.